

УДК 111.32

DOI: 10.26565/2306-6687-2019-60-04

КРИЗИС СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дышкант Т. Н.

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии;
Национальный технический университет «ХПИ»,
Харьков, ул. Кирпичова 2, корпус У1, к. 904
tatysh@i.ua,
ORCID 0000-0002-5026-7913

В статье рассматривается проблема свободы в период антропологического кризиса в связи с развитием, так называемого постиндустриального (информационного) общества. Отмечено, что современное общество, которое характеризуют как либерально-демократическое (в политическом отношении) и постиндустриальное, информационное в экономическом отношении, предоставляет человеку больше возможностей, а значит и свобод, как биологическому и социальному существу. Несмотря на это, все чаще и все тревожнее звучат опасения в том, что современный человек теряет свободу. Выявление причин такого положения дел и есть цель данной статьи.

Ключевые слова: негативная свобода, позитивная свобода, возможности, техногенное общество.

Дышкант Т. М. (канд. філос. наук, доцент кафедри філософії; Національного технічного університету «ХПІ») КРИЗА СВОБОДИ ЛЮДИНИ ЯК ЕЛЕМЕНТ АНТРОПОЛОГІЧНОЇ КРИЗИ В ТЕХНОГЕННУМУ СУСПІЛЬСТВІ

У статті розглядається проблема свободи в період антропологічної кризи в зв'язку з розвитком, так званого постіндустріального (інформаційного) суспільства. Простір свободи - це сукупність перешкод і можливостей. В цьому відношенні свобода розглядається в ракурсі її зовнішньої і внутрішньої спрямованості як негативна і позитивна. Відповідно до цього розрізнення проводиться також розрізнення супутнього свободі поняття «можливість».

Інтегративна природа людини, що включає біо-соціально-духовні аспекти, дозволяє говорити про свободу дії, свободу вибору і свободу бажання. Можливості, пов'язані з негативною свободою, носять зовнішній характер і відносяться до біологічної та соціальної сфер. В цьому відношенні сучасне суспільство, яке характеризується як ліберально-демократичне в політичному відношенні і постіндустріальне, інформаційне в економічному відношенні, надає людині більше можливостей, у порівнянні з попередніми етапами розвитку, а значить і свобод, як біологічній і соціальній істоті. Незважаючи на це, все частіше і все тривожніше звучать побоювання в тому, що сучасна людина втрачає свободу. З чим же це пов'язано?

Простір можливих дій, що забезпечується негативною свободою, робить можливою свободу вибору, зберігаючи зовнішню спрямованість при розгляді сутності свободи, так як обирає, або вже знаходиться зовні, або втілюється зовні. Це дозволяє говорити про свободу дії і свободу вибору як формах емпіричної свободи, тобто визнавати їх реальність.

Можливості, пов'язані з позитивною свободою, мають внутрішній характер і безпосередньо пов'язані з розумінням того, що є сутністю людини і як вона проявляється через його волю. Це духовний рівень здійснення свободи. В сучасних міркуваннях про людину його нерідко оголошують метафізичним. Метафізичними стають і пов'язані з цим рівнем можливості.

Посилює негативні моменти такого підходу до духовної сутності людини то, що в «технічному і раціоналістичному світі» основним критерієм блага є користь. Це призводить до механізації всіх сфер людського життя і до певного бачення людини, як гвинтика механізму. Позначені дві основні загрози свободі людини в техногенному суспільстві йдуть від втручання в його внутрішній світ. Пряма загроза пов'язана з розширенням нейробіологічних наук в яких повністю об'єктивують людину. Непряма загроза виходить від її перебування в агресивному інформаційному середовищі, яке було б неможливим без

розвитку техносередовища. Тут народжується новий вид несвободи через розвиток маніпулятивних технологій діями людини.

Взагалі можна зробити висновок, що втрата свободи при зростанні можливостей, що надаються розвитком технік і технологій, пов'язана з підміною можливостей, пов'язаних з «позитивною» свободою, що забезпечують людині простір для самовизначення і саморозвитку, можливостями, пов'язаними з «негативною» свободою, свободою людини, яка споживає.

Ключові слова: негативна свобода, позитивна свобода, можливості, техногенне суспільство.

Dyshkant T. N. (doctor of philosophy, associate professor of the department of philosophy, Kharkiv Technics University «KhPI») THE CRISIS OF HUMAN FREEDOM AS AN ELEMENT OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS IN A TECHNICAL SOCIETY

The article deals with the problem of freedom in the period of the anthropological crisis in connection with the development of the so-called post-industrial (information) society. The field of freedom is a combination of obstacles and opportunities. In this regard, freedom is viewed from the perspective of its external and internal orientation as negative and positive. In accordance with this distinction, a distinction is also made between the notion of opportunity that accompanies freedom.

The integrative nature of man, including bio-socio-spiritual aspects, allows us to talk about freedom of action, freedom of choice and freedom of wish. Opportunities associated with negative freedom are external and relate to the biological and social spheres. In this respect, modern society, which is characterized as liberal-democratic (politically) and post-industrial, informational in economic terms, gives a person more opportunities, and therefore freedoms, as a biological and social entity. Despite this, fears that the modern man is losing freedom are becoming more and more alarming. What is the reason?

The space of possible actions which was provided by negative freedom, makes freedom of choice possible, while maintaining outward orientation when considering the essence of freedom, since the one chosen is either already outside or is embodied outside. This allows us to talk about freedom of action and freedom of choice as forms of empirical freedom.

Opportunities associated with positive freedom have an internal character and directly related to the understanding of what is the essence of a person and how it is manifested through his will. This is the spiritual level of freedom. In modern reasoning about a person, he is often declared metaphysical. The possibilities associated with this level are becoming metaphysical.

Increase the negative aspects of such an approach to the spiritual essence of man that in the «technical and rationalistic world» the main criterion for the benefit is benefit. This leads to the mechanization of all spheres of human life and to a certain image of a person, like a cog in a mechanism. There are two main threats to human freedom in a technogenic society coming from interfering in his inner world. The direct threat is associated with the expansion of the neurobiological sciences which fully objectifying the person. The indirect threat comes from his stay in an aggressive information environment, which would have been impossible without the development of the technosmedia. A new kind of non-freedom is born here - the technology of manipulation of human actions.

The substitution of opportunities associated with "positive" freedom by opportunities associated with "negative" freedom, leads to the loss of freedom in modern society.

Keywords: negative freedom, positive freedom, opportunities, technogenic society.

Философия как теоретическая основа мировоззрения необходимым образом отражает исторические реалии, несет на себе печать исторической проблематики. В каждую эпоху по-своему раскрываются основные философские категории, выявляя новые риски, с которыми сталкивается человек. Менялось понимание того, что же собой представляет человек, менялось понимание сущности свободы, являющееся неотъемлемой характеристикой сущности человека. Рассмотрим проблему свободы в период антропологического кризиса, начало которого относят к началу XX века и связывают обычно с вступлением в этап постиндустриального (информационного) развития.

Понятие «общество» многомерно. В зависимости от того, какой аспект выделяется, современное общество можно характеризовать как либерально-демократическое в своих устремлениях (в политическом отношении), постмодерное в культурном отношении и постиндустриальное, информационное в материально-производственном или экономическом отношении. Разумеется, все аспекты взаимосвязаны.

Анализируя постиндустриальное общество, можем отметить такие его характерные черты как развитие машинного производства, активное применение достижений научно-техно-

логического прогресса, механизация и автоматизация труда, развитие рынка товаров и услуг, возрастание роли управления. В качестве главного ресурса постиндустриального общества указывают знания и информацию, а основой его являются интеллектуальные технологии. Значение техники и технологий для современного мира трудно переоценить. Это уже видно по следующим характеристикам: «машинный век» [1], «кибернетическое общество» [2], «техноцивилизация» [3], «технический и рационалистический мир» [4], «механическая цивилизация» [5].

Что касается свободы, то в философском энциклопедическом словаре ее определяют, как способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости. Проблема свободы предполагает ее анализ в совокупности со многими сопутствующими понятиями, одни из которых состоят в оппозиции к данному понятию в зависимости от аспекта рассмотрения – таковыми, например, являются понятия «зависимость», «принуждение», «рабство», «отчуждение» и т.д., другие – позволяют раскрывать сущность свободы не в противопоставлении, а в дополняющем соотношении. Таковым является понятие «возможность», ведь поле проявления свободы можно охарактеризовать как совокупность препятствий и возможностей.

Свобода также является «многослойным», абстрактным понятием. «Многослойность» данного понятия обусловлена составной, интегративной природой человека, включающей био-социально-духовные аспекты. Свобода имеет внешнюю и внутреннюю направленности. В зависимости от выбора направленности свободы возникают два разных вопроса: «Свобода от чего?» (отрицательное значение понятия «свобода») и «Свобода для чего?» (положительное значение понятия «свобода»). В связи с этим, связанные со свободой возможности также могут быть двоякого рода.

Наличие негативной свободы, обычно, это констатация отсутствия внешних препятствующих факторов для выполнения действия. Возможности, связанные с негативной свободой, носят внешний характер и относимы к биологической и социальной сферам. Техника в ее инструментальном значении вполне обоснованно рассматривается как продолжение биологических возможностей человека, дающее ему все большую свободу от природной зависимости ослаблением влияния внешних препятствующих факторов. Опустим здесь рассуждения об опосредованности данной свободы, так как зависимость от природы не устраняется, а отодвигается и заслоняется зависимостью от искусственной среды.

Соблюдение прав человека делают возможными многие политические свободы, например, свободу слова, вероисповедания, передвижения, владения своим телом и т.д. Политическая свобода – это та область, в рамках которой человек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны других субъектов.

Возможности, связанные с позитивной свободой, имеют внутренний характер и непосредственно связаны с пониманием того, что есть сущность человека и как она проявляется посредством его воли. Это духовный уровень осуществления свободы.

Современные реалии демонстрируют парадоксальную ситуацию. С одной стороны, общество, имея беспрецедентное по сравнению с недавним прошлым техническое и технологическое оснащение, предоставляет возможности, а значит и свободы, которые человек ранее с трудом мог представить, с другой стороны – все чаще и все тревожнее звучат опасения в том, что современный человек теряет свободу. С чем же это связано?

Пространство возможных действий, обеспечиваемое отрицательной свободой, делает возможной свободу выбора, сохраняя внешнюю направленность при рассмотрении сущности свободы, так как выбираемое, или уже находится вовне, или воплощается вовне. Свобода выбора осуществляется посредством свободы воли – это объективация воли. Принято определять свободу воли как возможность человека делать выбор вне зависимости от определенных внешних обстоятельств. Это способность индивида поступать в соответствии со своими желаниями, выражая их вовне, то есть объективируя. То есть, свобода воли сводится к свободе желаний. Здесь и возникает позитивная свобода – воля имеет возможность воплощения себя, того, что она есть. Возникает и проблема, связанная со свободой воли как возможностью осуществлять свои желания, это проблема сущности «Я», его безусловности или обусловленности, безосновности или укорененности в чем-либо.

Свобода желаний часто относима к метафизической проблеме. Связано это с тем, что свобода действий, как отсутствие внешних ограничений, и свобода выбора, сводимая к обладанию человеком определенной психологией, характеризуемой как дееспособность, представляют эмпирический уровень проявления свободы. Иное дело – свобода желаний, отправляющая к сущности «Я». Человеку свойственно осознавать свои желания, но осознает ли он реальные причины этих желаний? В техногенном обществе существует ряд моментов, препятствующих этому.

Мера техники – польза. Идеология современного мира с ярко выраженной научной (фактическое отсутствие запретов в сфере познания) и экономической (сведение всех сфер человеческой деятельности к отношению купли - продажи) составляющими фокусируется на человеке, как объекте изучения, с целью усовершенствования его как потребляющего (*homo economicus*) и эксплуатируемого (*homo faber*). Об этом говорит и употребление следующей терминологии: «человеческий капитал», «технологизация жизни», «деятельность по духовно-практическому производству человека» и т. п. Так, например, развитие нейронаук вызывает устремление свести желания и волю человека к процессам в мозге даже в ситуации осуществления им покупки. Развивается такая отрасль практического применения наук о мозге как нейромаркетинг. Байолог Линдстрем советует маркетологам исключить «посредника» - личность самого покупателя – и непосредственно спрашивать у мозга: «Будешь ли ты покупать наши товары?» [см. 6].

На самом деле отношения техника – человек амбивалентны в разных аспектах. С одной стороны, техника, понятая широко, то есть включающая и технологию, упорядочивает мир человека, обеспечивая, тем самым возможность свободного времяпровождения, которую можно использовать для творчества, саморазвития. С другой стороны, чрезмерное упорядочивание человеческого пространства техническими средствами, механизмируют человека, оставляя востребованной только функциональную рациональность. Человек становится подобным винтику механизма. Современные масштабы техники таковы, что в отличие от первоначального назначения техники, как дополнения человека, теперь человек дополняет технику.

Особенную опасность представляет занимающее все более господствующие позиции техницистское, технократическое мировоззрение. Техническое мышление, как указывал К. Ясперс, распространяется на все сферы человеческой деятельности. Механизация всех сфер человеческой жизни приводит и к определенному образу человека. Это значительно усложняет устранение негативных последствий, связанных с технологизацией мира, так как делает невозможным всеобъемлющий, объективный анализ ситуации извне. Напротив, ищут возможность совместить технократическое мировоззрения с этическими и правовыми категориями, то есть расширяют его на такие сферы, где ранее традиционно главенствовал взгляд на человека как на самобытную и ответственную личность. Так, для того чтобы расширение знаний о мозге, биологически детерминирующее человека, не помешало возможности согласовать достижения этой науки с правовой ролью человека, основанной на его моральной ответственности, некоторые современные философы, например, Дж. Фишер, утверждают что каузальный детерминизм может быть совместим с моральной ответственностью и при этом не требовать необходимости наличия «метафизической возможности». В связи с этим Фишер различает два вида контроля над поведением действующего агента – регулирующий контроль и управление. Регулирующий контроль подразумевает существование альтернативных возможностей. Этот контроль осуществляется в условиях метафизической свободы. Поэтому говорить о нем, с точки зрения Фишера, нет смысла. А ведь мораль всегда выступала одним из регуляторов поведения человека, следовательно, ее также отправляют в область метафизического.

Управление – это контроль, основанный только на наличии двух элементов, во-первых, особого механизма принятия решений, во-вторых, специфической связи между этим механизмом и агентом. Характер данной связи Фишером не уточняется. Управление является необходимым и достаточным условием для признания ответственности агента [см. 7]. Отсылка к «механизму принятия решений» созвучна кибернетическому понятийному аппарату. Автономные действия приравниваются к рациональным. Как же оценивать степень рациональности? Здесь на помощь приходит теория принятия решений на основе ожидаемой полезности, что прекрасно согласуется с техногенным миром, где мерой всего как раз и является польза. Однако, во-первых, полезность представляет собой относительную ценность в отличие от высших ценностей (добра, прекрасного,

истины, совершенства). Если относительное не дополнено абсолютным, человек оказывается в ситуации «дурной бесконечности» - он исчезает. Как сказано у классика: «А был ли мальчик?» Во-вторых, полезность – критерий, навязанный субъекту извне. Быть же автономным – значит действовать, исходя из рациональных оснований, рассуждений, качеств и т. д., которые, в первую очередь, являются неотъемлемой частью того, что мы называем собственной самобытной личностью.

В общем, в связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что критике подвергаются возможности, связанные с внутренним миром субъекта.

Можно обозначить две основные угрозы свободе человека в техногенном обществе идущие от вмешательства в его внутренний мир. Прямая угроза, как было показано выше, связана с расширением нейробиологических наук. Американский философ Джон Серль приводит следующий пример: «Мы не колеблясь говорим такие, например, вещи: «Бэзил голосовал за консерваторов, потому что Тэтчер повела себя наилучшим образом в ситуации с Фолькландами». Однако мы не знаем, как относиться к таким, например, заявлениям: «Бэзил голосовал за консерваторов, потому что таким было состояние его гипоталамуса»... Сложность в том, что объяснение первого типа работает на практике, но не является научным. Объяснение второго типа является научным, но у нас нет ни малейшей идеи, как сделать так, чтобы оно работало на практике» [8].

Вопрос в том, дойдет ли ситуация до такого предела, когда можно будет поставить знак тождества между суждениями, одинаково описывающими некое положение дел, но полученных в результате применения диаметрально разных способов? И приведет ли это тождество к вытеснению суждений, истинность которых устанавливается методами, учитывающими и обеспечивающими уважение к внутреннему миру субъекта, суждениями, добытыми полной объективацией человека и уподобляющего его препарированной лягушке?

Косвенную угрозу свободе человека связывают с тем, что он находится в агрессивной информационной среде, которая была бы невозможна без развития техносреды. Здесь рождается новый вид несвободы (или, по крайней мере, в связи усовершенствованием технологий, выходит на новый уровень развития) – манипуляции действиями человека.

В данном отношении интересно рассмотреть те мысленные эксперименты, которые проводят современные философы, выясняя совместимость ответственности и обусловленности. Так в аргументе манипуляций Д. Перебума пошагово рассматривается зависимость воли человека (профессора Плама) от внешних факторов, начиная от ситуации сотворения его нейрохирургами, которые дистанционно управляют им, до ситуации, в которой воля профессора обусловлена природным детерминизмом. Затем задаются вопросом, существует ли разница между естественной каузальной историей агента и историей, включающей манипуляции [9]. Проведением подобных аналогий скрытым образом устанавливают тождество между обусловленностью природой и воздействием «злых ученых», выводя тем самым реально существующую «злую волю» за скобки рассуждений, делая ее анонимной, уподобляя законам природы, которые, на самом деле являются обязательными для всех – и для манипуляторов, и для тех, над кем производят манипуляции. Следовательно, нет оснований отождествлять эти, обуславливающие поведение человека факторы.

Как видим, на современном этапе развития человечества виды принуждения становятся все более многообразными и изощренными. И технологические манипуляции, основанные на знании генотипа, и манипуляции на основе искажения информации, представляют собой скрытое воздействие на человека, целью которого является заставить его сделать то, что нужно манипулятору вопреки интересам данного человека. Суть манипуляции сводится к тому, чтобы сделать так, чтобы субъект захотел исполнить чужую волю как свою. Говорить о свободе желаний в данном случае становится затруднительно.

Наличие возможностей ставит человека в ситуацию выбора только при полном и ясном их осознании, что делает присутствие рационального момента в осуществлении свободного акта обязательным. Здесь речь идет именно о субстанциональной рациональности, когда человек самостоятельно производит смыслы, пропуская воспринимаемое через свою систему ценностей. Таким образом, намеренное искажение информационной среды, помноженное на недостатки образования и воспитания, затрудняющие развитие объективного, критического мышления,

и являются своего рода манипуляциями с полем возможностей (вспомним так называемое «окно Овертона»), а, следовательно, и со свободой субъекта, делая его «иллюзорно» свободным.

Можно сделать вывод о том, что в мире растущих возможностей возникает тенденция отрицания этих самых возможностей указанием на их метафизическую природу. Но, более уместно говорить о подмене возможностей, связанных с «позитивной» свободой, обеспечивающих человеку пространство для самоопределения и саморазвития, возможностями, связанными с «отрицательной» свободой, свободой человека потребляющего и имеющего выбор, грубо говоря, между различными «сортами колбасы». Технологизация создала мощный инструмент формирования массового сознания. Манипулятивность обеспечивается тем, что средства массовой информации функционируют на уровне, где «царствуют медиум, идол и симулякр, а не сообщение, идея и истина» [10]. Отказ человека от производства смысла означает отказ от свободы, субъект превращается в квазисубъект.

Проблема предстанет не столь безнадежной, если всегда иметь в виду «вынесенных за скобки» манипуляторов и помнить, что массовая культура зависит от сил, финансирующих СМИ. Воля человека, выявляющая его сущность, может мобилизовать его внутренние резервы в усилиях противопоставить себя навязываемому извне шаблону, обеспечивающему алгоритм действия, выгодный манипуляторам. Но для этого нельзя отвергать под видом метафизических, возможности, связанные с позитивной свободой.

Если же говорить об устремлениях общечеловеческого развития, то, как сказал А. Печчеи: «Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся в пределах его способностей к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться» [11, с.239].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом / К. Манхейм. – М.: ИНИОН АН СССР, 1992. – 254 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры / А. Вебер. – М.: Университетская книга, 1998. – 565 с.
4. Эллюль Ж. Другая революция / Ж. Эллюль. // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. 147–152 с.
5. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 416 с.
6. Сэйтл Салли, Лилиенфельд Скотт О. Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге / Салли Сэйтл, Скотт О. Лилиенфельд. – М.: Издательство «Э», 2016. – 368 с.
7. Фишер Джон Мартин Полукомпатибилизм и его соперники / Джон Мартин Фишер // Логос. – 2016. т. 26 № 5. – С. 131–174.
8. Сёрль Джон Сознание, мозг и наука [Электронный ресурс] / Джон Сёрль. Режим доступа : http://biologo.ru/Джон_С_рль_Сознание_мозг_и_наука_/index3.html
9. Перебум Дерк Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли / Дерк Перебум // Логос. – 2016. т. 26 № 5. – С. 59–102.
10. Бодрийяр Жан В тени молчаливого большинства или конец социального [Электронный ресурс] / Жан Бодрийяр. Режим доступа : <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/125>
11. Аурелио Печчеи Человеческие качества / Печчеи Аурелио. М.: Прогресс, 1985. – 311 с.

REFERENCES:

1. Bodrijar, Z. (2006). V teni molchalivogo bol'shinstva ili konec social'nogo. [In the shadow of the silent majority or the end of the social]. [In Russian]. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/125>
2. E'llyul', Z. (1986). Drugaya revolyuciya. In Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade [Another revolution / New technocratic wave in the West]. [In Russian]. Moscow: Progress Publ.
3. Fisher, D. (2016). Polukompatibilizm i ego soperniki. [Semicompatibilism and its rivals]. [In Russian]. Logos, 5, 131-174.
4. Fromm, E. (2004). Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. [Anatomy of human destructiveness]. [In Russian]. Moscow: AST Publ.

5. Mamford, L. (2001). Mif mashiny`. Texnika i razvitie chelovechestva. [Myth of machine. Technique and human development]. [In Russian]. Moscow: Logos Publ.
6. Manxejm, K. (1992). Diagnost nashego vremeni. Oчерki voennogo vremeni, napisanny'e sociologom. [The diagnosis of our time. Wartime essays written by a sociologist]. [In Russian]. Moscow: INION AN SSSR Publ.
7. Pechchei, A. (1985). Chelovecheskie kachestva. [Human qualities]. [In Russian]. Moscow: Progress Publ.
8. Perebum, D. (2016). Optimistichny`j skepticizm otnositel`no svobody` voli soperniki. [Optimistic skepticism about free will]. [In Russian]. Logos, 5, 59-102.
9. Se`jtl, S., & Lilienfel`d, S. (2016). Nejromaniya. Kak my` teryaem razum v e`poxu rasczveta nauki o mozge. [Neuromania. How we lose our minds in the heyday of brain science]. [In Russian]. Moscow: «Е» Publ.
10. Syorl`, D. (1993). Soznanie, mozg i nauka. [Minds, Brains and Science]. [In Russian]. Retrieved from: http://biologo.ru/Джон_С_рль_Сознание_мозг_и_наука_/index3.html
11. Veber, A. (1998). Izbrannoe: Krizis evropejskoj kultury. [Chosen works: The crisis of European culture]. [In Russian]. Moscow: University Book Publ.